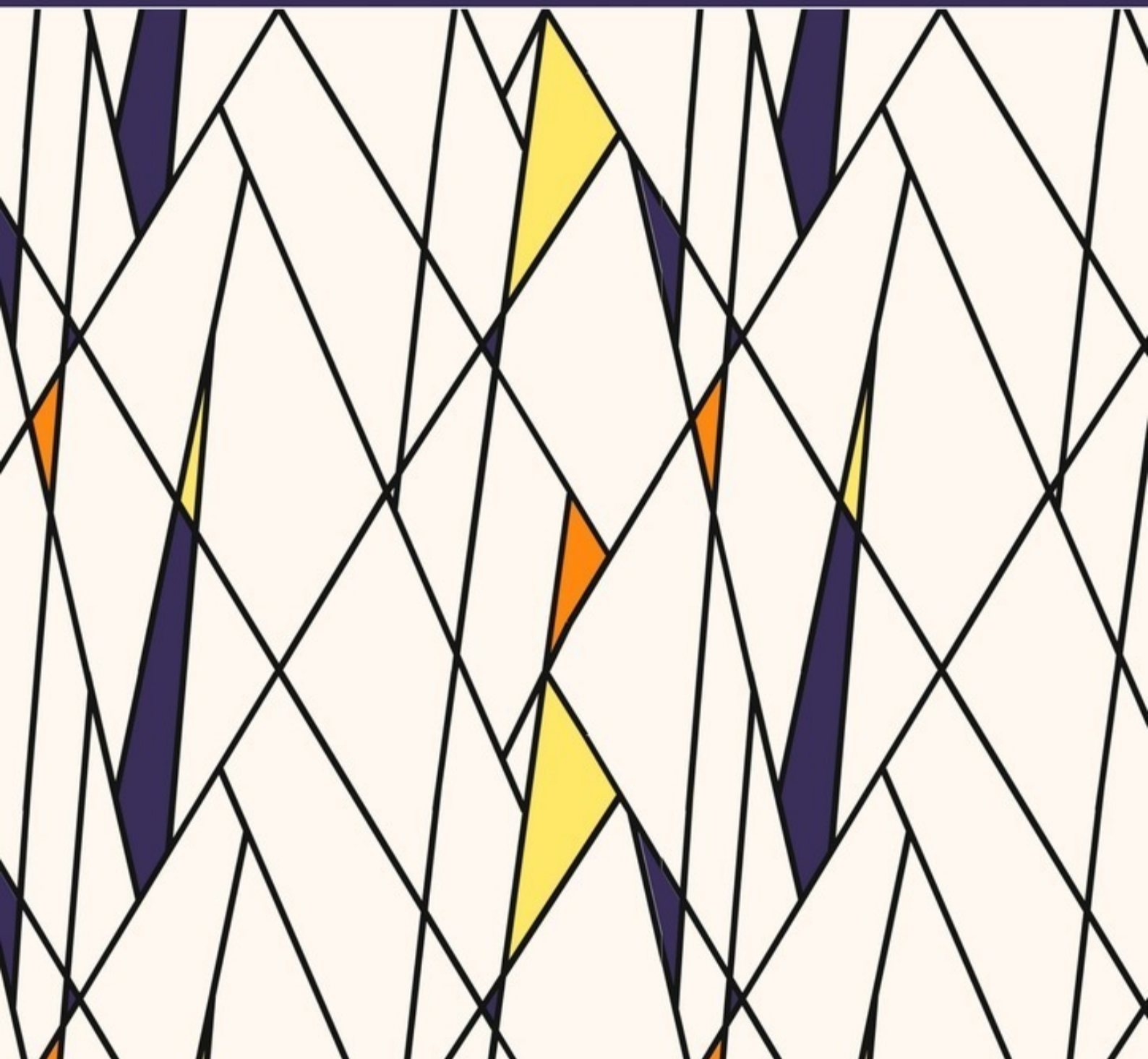

Федор Метлицкий

Голограмма

Федор Метлицкий
Голограмма. Повесть

«Издательские решения»

Метлицкий Ф.

Голограмма. Повесть / Ф. Метлицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909807-8

Русская колония во враждебной Империи — под угрозой разгрома толпами фанатиков. Рассказчик, служащий Колонии, узнает о смерти дочери на родине и впадает в депрессию. После операции «по новым технологиям» с него «словно сняли бельмо на душе». Открылось новое зрение, остро воспринимающее смертельную чуждость враждующего мира, лицемерие людей. Он постоянно слышит голос дочери, воскрешающий его для жизни, и устремляется куда-то на ее зов, в прошлое, настоящее и... в будущее.

ISBN 978-5-44-909807-8

© Метлицкий Ф.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Голограмма Повесть

Федор Метлицкий

© Федор Метлицкий, 2018

ISBN 978-5-4490-9807-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Голограмма

Москва, 2018 год

*Русская колония во враждебной Империи – под угрозой разгрома толпами фанатиков
Рассказчик, служащий Колонии, узнает о смерти дочери на родине, и впадает в депрес-
сию.*

*После операции «по новым технологиям» с него «словно сняли бельмо на душе». Откры-
лось новое зрение, остро воспринимающее смертельную чуждость враждующего мира, лице-
мерие людей.*

*Он постоянно слышит голос дочери, воскрешающий его для жизни, и устремляется
куда-то на ее зов, в прошлое, настоящее и... в какое-то иное измерение.*

*Одна из главных тем повести – об истоках творчества, исходящих из трагической глу-
бины существования человека.*

Это не смерть, Это лишь тень умирает на солнце

1

Мы живем своей Колонией на окраине Великого города враждебной Империи, как под спасительным колпаком, хотя, в отличие от наших колоний в других странах, не возбранялось ходить и ездить свободно, в пределах разрешенной 25-мильной зоны. Живем кучно, на чужой земле, словно ожидая какой-то развязки.

Это большое пространство, огороженное непреодолимым железным забором с бетонным основанием, словно танковым ограждением.

Прошло время, когда я приехал сюда в эйфории – как комсомольская дама из глубинки, где в магазине одни консервы и хомуты, вдруг попавшая в местный супермаркет, ее, говорят, хватил кондрашка. Это был совсем не похожий на наш мир для туриста, привыкшего к нехваткам.

*Кто хватился – праздновать день Колумба?
И крики: «Земля!» ликованием спасения
в слепящих просторах Нового Света.
И теперь здесь живут в сотнях комьюнити,
ежегодно и пышно
проходящих парадам вдоль Пятой,
богаче иной страны, авеню.
С ними вместе она, в торжестве
своих небоскребов —
концернов и шопинг-центров,
во всемирном братстве Уитмена —
в связи с Европой, Азией, Ближним Востоком,
модельерами Лондона, Парижа и Рима,
радиоэлектронным бумом
Японии, Гонконга, Тайваня и Южной Кореи,
барахолками мира —
дешевым бизнесом мафии,
гениальными творцами витрин —
окон в суперреальные сферы...
Как прочна еще Пятая авеню —
в старом праве обмена стеклянных бус
на индейское золото,
здесь витает, как террорист, чужая,
без жалости, новая эра.
Но уже торжествами свобод —
текущие эти комьюнити
с пустыми горластыми лозунгами.
Вот колледжи – глубинная прочность жива! —
в киверах старинных с хвостами,
в ментиках и трико, вскидывая задорно колени.
В изумрудных цветах ностальгии – ирландцы:
«Англичане – вон из Ирландии!»
Итальянцы: «Нас 120 миллионов
рассеяно в мире!»
Пуэрториканцы: «Свободу Пуэрто-Рико!»*

*Общество за права животных:
«Запретит испытания туши «Ревлон»
на кроликах!»
Маршируют монахини:
«В последние дни мира – спасение в Боге!»
Но уверенно бьют барабаны вечный ритм
ликованья в единстве,
и на лицах нет и следа отторженья от мира.
Это вечная юность человечества
знает о счастье.*

Мы все обитаем в одном большом доме. Я в моей малогабаритной квартирке один, в ожидании жены и больной дочери, и часто от тоски и одиночества хожу в гости. Это заботящаяся обо мне бездетная семья Лысовых. Он – приближенное лицо к шефу, всегда серьезный и доброжелательный. А она, кругленькая, почти толстая, и бойкая, по кличке Лысиха, общественница, руководит хором патриотической песни. Общественная деятельность сильно повлияла на ее речь, – не может избавиться от официального тона в разговоре.

– Прекратите панику, товарищи! – приказывает она. – Там, наверху, о нас уже позаботились.

Посещаю также чету Мироновых. Он приветливо улыбается, собирая морщины на добродушном лице. Она, рыхлая, плохо ходящая домохозяйка, собирает еду, с неизменной бутылкой водки. В углу огромный жирный сиамский кот, поражающий ревом при встрече гостей. Он чем-то напоминает своих хозяев, хотя те не ревут.

Миронов спрашивает о моей жизни, и знакомых, обрывая разговор в задумчивости, словно запоминая.

Ко мне тайно прокрадывается, тихо постучав в дверь, такая же одинокая и жадная до ласк переводчица, здесь в долговременной командировке.

Обитатели Колонии скрытные и прячущие свои источники дешевых покупок на распродажах. Любимейшим их занятием является шопинг.

По выходным выезжали в автобусе в огромный торговый центр на окраине – в солнечную страну сотворенных для человека материальных богатств, отвечающих малейшим позывам тела. Это как вылазка во вражеский лагерь, полный всяческого дефицита, и что ценно, дешевого. Наш вкус вырос в нищете.

Лысиха, по обыкновению, занимается организацией поездок, соблюдением порядка нахождения в торговом центре. Расходимся группами по секциям востребованных у нас товаров. Возбуждающий процесс нахождения нужного товара, ощупывания и обнюхивания – атавизм возбуждения при разделе туши мамонта древними людьми. Очень неприятно, если тебе достанется плохой кусок.

Лысиха недовольна и подозрительна, если кто-то отделяется или отдается неконтролируемой жадности, что унижает нашего человека перед иностранцами. Но у Мироновых почему-то есть привилегия, они удаляются сами по себе куда-то в секции, где все наиболее дефицитное и дешевое, – это они узнали у наиболее бойких скрытных жен, облазивших все торговые точки города и окрестностей. Такая информация – секрет.

В дешевых супермаркетах покупали барахло «числом поболее, ценою подешевле», бывшие тогда в ходу на родине искусственные шубы, просроченную колбасу, которую продавали на барахолке не фунтами, а метрами. Правда, со временем стали замечать, что и здесь чего-нибудь да не хватает.

Я здесь чужой, растерян и не знаю, что купить для моей приезжающей семьи. Хочется тайком вырваться в знакомые еретические книжные магазины, где ворохом рассыпаны слипшиеся книжки наших диссидентов.

В кооперативном магазине Колонии мне поручили покупать русскую и советскую классику в русских книжных магазинах, и я взялся рьяно. Вскоре полки кооператива украсились диссидентской поэзией (Иосифом Бродским, Ходасевичем, Горбаневской, которых наши не знали и потому принимали за своих). Прозу Юза Алешковского, Записки Деникина и т. п. все же опасался покупать.

Тайно покупал американских поэтов и философов, чтобы понять американцев изнутри. Поэзию, правда, тем более философию никто не брал, и магазин по этой номенклатуре прогорал. Брали искусственные шубы, джинсу, кожу – для перепродажи на родине.

Во мне уже не было боязни нелепых поступков в зависимых положениях. Здесь было открытое противостояние, и это успокаивало.

В молодости я читал диссидентов в машинописных копиях, как запретный плод. А здесь накупал их тайком в русских книжных магазинах и с рук, в домах стареньких потрепанных эмигрантов во Флашинге. Вывозил их на родину тоже тайно, коробками знакомых дипломатов в ООН, не проверяемыми на таможне. Но многие из этих книг не открывали нового, как ненависть, негатив и страдание не дают человеку ничего. Они, патриоты, уезжали, чтобы донести до Запада все о тоталитаризме. А сейчас у нас открылись такие бездны, что они, мало знавшие, сами поразились. И многие пошли туда, где говорят о патриотизме, – к коммунистам.

Мы все служим в нашей Миссии, контролируемой неким Молохом, таящимся в каком-то ином измерении. Даже сам генсек нашей страны молча указывает пальцем куда-то наверх: там все знают!

Офис Миссии на Пятой авеню в небоскребе восемьдесят этажей, полосатой закупоренной вавилонской башне с внутренней вентиляцией. На верхних этажах она постоянно покачивается от ветра с Гудзона. Цель нашей работы – поставки современного оборудования.

У нас широкие экономические связи разными странами, и мы позиционируемся как независимая частная компания. Миссия не афишировала перед партнерами принадлежность к враждебной стране, зависимой от Молоха, считались крупной иностранной компанией с многомиллионным оборотом. Наши партнеры извлекались из загадочной энергетической дали, где клубились корпорации и фирмы, с которыми мы связаны возможностями поставок технологий «ноу хау».

Шеф, с располагающим полным телом, круглой лысой головой и холеными складками на лице, общается с «верхом», от которого исходят команды, и мы ничего не знаем, что там совершается сакрально стратегического, нам это недоступно.

Мы все – инженеры, такие у нас должности, невзирая, по какому профилю. Долговязый инженер Кузин, заикаясь, развертывает целую феерию слухов и мнений о предстоящем усилении наших военных возможностей перед агрессивной темной стороной, если они...

– Наш генсек так отбрил их! – восхищался он.

Нас с инженером Игорем это бесило, мы недолюбливаем этого недалекого, всегда бодрого оптимиста. Он, казалось, сам понимал свою несостоятельность в умных спорах, тянулся к нам, но иногда в нем прорывалась ненависть к нам, «оппозиционерам».

Морщинистый инженер Миронов недоверчиво прислушивается, составляя в уме донесение офицеру по безопасности Колонии.

Степенный инженер Кудрявцев добродушно усмехается на болтовню Кузина. Он как бы сам по себе, слишком занят хозяйством (он завхоз), чтобы зависеть от идеологии.

Только мой веселый приятель Игорь острит:

– В нашем муравейнике все зашевелились. Над ним навис сапог агрессора.

В Миссии обычный день, идет бездумно-оптимистическая работа, с заранее предписанной целью. Как будто на надежном плато, навсегда.

Ежедневно принимали десятки фирм, на переговорах ежедневно пили, обязывала работа. Иногда шеф отрывался от написания донесений в сакральную канцелярию Молоха, когда сообщали о приходе на переговоры заказчиков. Он хитро шурился:

– Коньяк? – Ни-ни! Наливайте себе чай! Как бы виски или коньяк.

– А им?

– Кому им? Им наливать нужно. И по-русски.

Он и мой приятель секретарь профбюро Лысов (так называлось партбюро) жили в особом состоянии души, как, наверно, коты в масле. Постоянно фирмачи приносили ценные подарки, которые скрытно куда-то увозились, говорили, в особую каптерку в огороженной Колонии на окраине – основном месте проживания русских.

Инженерам Миссии, кроме работы с фирмами по контрактам, вменялось в обязанность также добывать ноу-хау в разных областях промышленности. Например, я ехал на выставки новой техники, набирал кучу материалов как сотрудник солидной фирмы, и по приезде заходил в Миссию, на последний этаж, где в особой железной комнате выдавали Красную книгу, где мы молча (разговаривать не разрешалось) записывали краткое содержание сдаваемого материала и расписывались. Потом я узнал от друга, работавшего в управлении министерства, что эти материалы поступали к ним и там сваливались в кучу. Это называлось «строго секретное хранение».

Все мы казались местным подозрительными, как изошренная группа шпионов, прибывшая для подрывной работы. У них непробиваемое убеждение, что все русские здесь – агенты КГБ. «Кей-Джи-Би!», – с удовольствием смачно произносили они, показывая здоровые зубы. И увесистые многостраничные драфт-контракты подписывали не глядя, с презрением, – их контракты помещались на одну страницу.

В Колонии мы с Игорем держались особняком, что настораживало сослуживцев, собирающихся вместе, чтобы быть на виду, и никто ничего не подумал.

Вечерами собирались в моем номере, пригласив переводчиц, зажигали свечи, и в полутьме, в неверном пламени свечек, пили медальную «Московскую» из нашего кооператива в Миссии – лучшую мягкую водку, тогда она делалась на особой воде, откуда-то из Сибири.

– Мы как первые христиане в тайной пещере! – шепотом говорил Игорь, и провозглашал тост. – За предстоящие жертвы!

Когда он был в ударе, то становился смел и остроумен. Я так не умел, и завидовал ему. Правда, с некоторыми людьми, особенно с женщинами у меня открывается фонтан юмора.

Вообще мы привыкли к агрессивным демонстрациям против нас, даже терроризму. Были взрывы около Миссии или в гараже. Если я был рядом, то безмятежно проходил мимо.

Позже я осмелел, с Игорем и двумя переводчицами тайно ходили по Бродвею. Худые негры в цветных шарфах соблазняли, показывая из-под полы голых красоток из ночных борделей.

Пугливо озираясь, зашли в темноту кинотеатрика «Нон стоп», где непрерывно шел «лайв секс он стейдж», глянуть на то, чего отродясь не видывали. Это было шоковой терапией. Обнажился иной мир, в чем-то помогший становлению искомой мною личности.

На освещенной сцене, на покатоке к зрителям ложе возлежала голая блондинка в туфлях с высокими каблуками. Она выбрасывала их вперед и вверх, как прожектора, обыгрывая свое лоно, подбитое по моде – квадратиком. Потом появился черный верзила в халате, она сорвала

поясок, халат сполз, и под аханье публики (мы с Игорем, члены партии, хоронясь за колонной, видели сплошь черные курчавые головы) у них начался разнообразный «мэйкинг лав».

Переводчицы рванули в разные стороны. Игорь схватил их за руки, насильно усадил и зашипел:

– Уплачено! По пять баксов!

Нестерпимая мысль о, возможно, зря потраченных долларах кое-как удержала их на месте.

– Финиш! – не выдержал вскочивший в темном зале черный.

Под гогот артисты неожиданно прекратили свое дело, блондинка встала и, зная права, выкрикнула:

– Stop it! Do not prevent the artists to make there job! (Не мешайте артистам работать!)

И они снова залегли на ложе.

Я был в смятении. Что в их закрытых от стыда душах? Холодное презрение перед публикой? У черного мужика, понятно, привычное оплачиваемое наслаждение оргазма, давно стершее сознание и стыд. А у нее? Мимикрия искусства, позволяющая ощущать это как работу?

Потом началось кино: шедший годами фильм «The Deep throat». На экране что-то жуткое и качающееся прыскало, лоснились лижущие языки, свистели плетки полуголых эсэсовок в черной коже, все стонало и повизгивало. Фильм был о том, что одну юную леди не могли удовлетворить мужчины. На приеме врач осмотрел ее и с удивлением обнаружил – то, что вызывает наслаждение, у нее в горле. И немедленно лично испытал на практике свое открытие. Леди была удовлетворена и счастлива. С тех пор она легко и беззаботно порхала, занимаясь «орал-сексом», все с теми же стонами, качающимися растениями и лоснящимися языками по всему экрану. Я представлял режиссера, стремившегося «вдарить» по самым низменным чувствам человека. Это было зверски весело!

К концу переводчицы уже привыкли, и нашли в себе силы даже порассуждать о художественных достоинствах ленты.

Защищенность ореолом нашей нравственности и веры здесь не работала. Дно откровенности и абсолютной естественности, по сравнению с увиденными мной гораздо позже шоу «За стеклом». Здесь только голая правда, рациональность. Полная свобода любви или отторжения от нее. Что-то уже не человеческое, казалось мне, безжалостное и роковое, как в Освенциме. Изнанка мира. Роботизация личности постмодернистской информационной эпохи. Обычная фраза из американского кино: «Я люблю тебя» – ритуальная фраза.

И во всем здесь, в Америке, я уже видел эту абсолютную рациональность обнаженности, лишенную нашего провинциального стыда. Уже не бежал панически от такой обнаженности. В ней была некая честность протестантов, лишенная лицемерия. Здесь давно ушло желание спасения в общности, люди привыкли полагаться только на себя. Не здесь ли истина, в этом оскале бездны?

Однажды мы тайно посетили музей в логове белогвардейцев – Фарма Рова, в Нью-Джерси. Там выступал князь кукольного вида с меньшевистскими усами, член Русского объединенного общества взаимопомощи в Америке (РООВА), как было указано в устрашающей программке, спрятанной нами. Он водил посетителей мимо белогвардейских знамен, генеральских мундиров и предметов солдатского быта, оставшихся от жертвенных походов Белой Армии. Узнав, что здесь есть кто-то из большевистской России, он стукнул палкой о бетонный пол.

– Вы, новые хамы, не можете понять всей трагедии падения святой России и потери родины. Вон!

Толпа белогвардейцев надвинулась, и мы ретировались, счастливо избежав гибели. Наверно, у эмигрантов еще не отошла родина, они не до конца превратились в американских индивидуалистов, полагавшихся только на себя.

Меня пригласили к начальнику спецотдела. Плотный, с острым носом и хитрым взглядом он встретил меня добродушно, под чем был привычный холодок угрозы.

– Такие дела. Нас все пытаются выгнать из страны. Политическое обострение. Любое ЧП им на руку. Там, – метнул взглядом вверх, – хотели бы поручить вам присматривать за коллективом, чтобы не навлечь бед. Вы согласны?

Я был ошарашен, таких предложений мне еще никто не делал.

– Согласен, – с готовностью сказал я. Остроносый посмотрел на меня и отодвинул придвинутую было папку с листками бумаги.

– Хорошо, будем встречаться ежемесячно.

– Есть! – сказал я. – Можно идти?

– Идите, – озадаченно сказал он.

Каждую неделю он вызывал меня.

– Ну, как?

– Все в порядке. Намерений бежать нет.

Это было действительно так. Все работали, а в свободное время дружно пили. Постоянные выпивки говорили о нормальности коллектива. Через несколько недель меня перестали вызывать. Наверно, нашли другого. Кого? – думал я, вглядываясь в честные лица сотрудников.

Мне всего один раз удалось выехать в отпуск на родину. После проводов с тепловатыми тостами тех, с кем не прижился, занятых собой и скрытных, – коллектив был каплей нашей большой общности в увеличительном стекле, я, наконец, увидел под серебристым крылом самолета однообразно-темную, серого цвета северную землю родины.

В аэропорту встретила моя жена, дочка осталась дома, болела.

Родина оказалась сумрачной, деревья какие-то небольшие. Суровая простота построек доморощенной технологии. Суровость в продмагах, нехватки масла, в овощных отделах – картошка невымытая, но есть мандарины, гранаты, яблоки. Купленное пихают в «одни» руки. И знаменитая ругань уставших, раздраженных очередей.

Дома – радость встречи с дочкой, прильнувшей ко мне после долгой разлуки, и куча родственников и друзей.

В телевизоре танцы и пляски «Эх, разгуляемся!», патриотические боевики, фронтовые песни... Но ощущение, что смотреть нечего. По радио бодрые дикторы перечисляют фамилии выбранных в высокий президиум. По всей стране идет социалистическое соревнование, коллективы берут обязательств «отработать дополнительно полтора дня». Особенно меня проняла клятва: «Собралась бригада, решили: два месяца работаем на сэкономленном топливе».

Вышел на улицу. Сумрак, грязь, слякоть... Народ одет в темное, в какую-то взлохмаченную кошатину.

Неужели я так отвык от родины, что принял ее за чужую страну? Что у народа на уме? Что вырабатывает завистливую недоброжелательность к окружившим врагам, и отзывчивость широкой русской души?

Здесь, на родине, жить гораздо теснее, потому что система держится на старинных обычаях подчинения некоему Молоху, и эту удобную большинству веру невозможно искоренить никаким насилием.

Обычно революция возникает благодаря негодованию, нетерпению народа. Вождь восставших побеждает и захватывает власть. А потом приходят те, у кого народная поддержка превращается в средства насилия.

С тех пор его ставленники лишь укрепляют свою власть, в государстве всегда господствуют те структуры, в которых сосредотачиваются силовые возможности. Силовые органы зачищают все, что сопротивляется. Да и как иначе охранить нас от нас же, «ленивых и нелюбопытных» (Пушкин), у 98% которых «нет ума» (Чехов)?

Власть любит употреблять слова «народ», «родина», «отчизна», «всенародное единство». И народ уверен, что власть действует от имени народа, а не для укрепления самой себя, здесь нет подмены. Он любит тех, кто может внести хоть капельку стабильности и спокойствия.

На самом деле власть – это несколько десятков разнородных людей: автократы, демократы, либералы, монархисты, анархисты и другие патриоты. Они поставлены той элитой, которая благодаря государственным ресурсам имеет рычаги, чтобы убедить народ голосовать за них.

Это и есть суверенная демократия, с народными выборами, и народ почти всегда голосует за власть, без альтернатив и противостояний, ибо по опыту испытанных на своей шкуре революций не желает хаоса. Тем более оппоненты лишены госресурса, а значит, возможности агитировать, оппонировать, и становятся шутами.

Большинству нравится так жить, хотя многие зазнайки не хотят так жить, и уезжают, куда глаза глядят.

Здесь я, подобно «чуждому элементу», почему-то остро ощущал страх и недоверие к будущему – признак распада. Раз все пропадает – нужно защищать себя самому, запастись всем необходимым, и будь что будет.

На даче, на соструганных мной полках – книги и журналы старого советского времени, вывезенные сюда и забытые. Сейчас мне видно – ненужный хлам. Сколько переведено бумаги на бесполезные, ложные идеи, целая эпоха потрачена впустую! Какие убытки! За это время можно было бы построить счастливую процветающую жизнь.

Сейчас наша власть ощущала усиливающуюся враждебность доминирующей Империи, и отвечала тем же под восторженные рукоплескания народа.

Но нам, командированным, там жить было гораздо свободнее, несмотря на жесткую дисциплину внутри Колонии.

Мы с Игорем тайно выезжали на его «Тойоте» в город. Нас поразила громадность и сложность великого города. Что за хитроумные свободные творцы отстроили это чудо, эти космические гряды небоскребов, где-то в высоте, на фоне багрового зарева, мечтающих о единстве мира, и только высоко-высоко виднеется синяя полоска?

Но в этот раз все было иначе. Когда мы с двумя переводчицами выехали в город, у высокой железной изгороди нашей Колонии колыхалась огромная толпа с разноцветными плакатами: «Долой империю зла!», «Нет захватчикам чужих земель!», «Враг на пороге!».

Как это так? И это нам, желающим мира во всем мире! Так хорошо относящимся к ним.

Откуда вновь вернулось средневековье? Движущаяся змея толпы фанатов казалась зловещей. Игорь круто развернулся и поехал вдоль передней шеренги фанатиков-демонстрантов, в опасной близости.

– Командовать парадом буду я! – победно закричал он.

Девушки завизжали, сердца их упали на самое дно машины. Они боялись, что изнасилуют и убьют, если узнают, что мы из «агрессивной» страны.

Вблизи в толпе люди казались обычными, похожими на нас, но почему-то негодующими, как будто их лишили годовой зарплаты. Возможно, ими верховодят тупые озлобленные бандеровцы, неповоротливость их мозгов не изменит даже собственная смерть, или близких. Но видно было, толпа всегда может опомниться, остановившись перед своими окровавленными жертвами.

На их темной стороне есть свой Молох, распоряжающийся народом, и его иерихонские трубы массовой информации так же ежедневно обрабатывают мозги за отсутствием альтернатив, так что зомбировано сознание поголовно у всех граждан. Как это было в фашистской Германии. Телевидение ежедневно воскрешает все архаичные страхи в отношении к Востоку, а ястребы призывают развязать легкую ядерную войну. И нет уже силы остановить эту массу, потому что страна не воевала с незапамятных времен, хотя там полно разумных голов, не желающих уничтожить планету.

Игорь продолжал вести машину вдоль переднего края толпы, командуя парадом под визг девчонок. В нем играла опасность «у бездны на краю». Безмятежность жизни, не знающей потерь и горестей. Как жизнь Софокла, прожившего жизнь беззаботно, поэтому в своих трудах изображавшего то, что ему не хватало, – трагедию.

Игорь мыслил широко, без той подлинности переживаний, что есть у тяжелых людей с острым чувством возможности потери близких, отчего радость близости с любимыми возрастает стократно.

Я не знал, хорошо ли это, и что лучше, вернее, более необходимо. Здесь же очень близко приблизилась трагедия, которой еще не чувствует население нашей Колонии.

Мы срочно улепетывали от надвигавшейся толпы. Ехали по городу, созданному эмигрантами из разных стран, и потому еще не застывшему, свежему, как весенний ветер и ясное небо. Проехали знакомую нам с Игорем улицу с клубами порнофильмов, где чудилась клоака, могущая поглотить нас, с бульканьем.

И с тайным страхом вернулись домой, через запасные ворота.

2

*Зачем вам знать, как вырывали с кровью
Все прежнее, а без него – не жить,
Что в муке ожидания в изголовье
Безмерной чернотой оглушит?
Мать, перед тем, как тело уносили —
Какому подотчетная суду? —
Сказала сестрам:
– Чтобы все... красиво, —
На место ставя вашу красоту.*

Вначале не доходило, как будто все это не со мной, только бессмыслица в голове, бегание глаз – как правильно вести себя перед людьми? Потом – через равнодушную коросту – прорывы боли, когда режет сердце, и не отвязывается внутри текучий облик родной сути.

«Мы надели ей на палец кольцо, которое ты ей подарил... Она не мучилась, совсем не мучилась». В письме матери тщетная попытка меня утешить.

Я ходил по улицам бесцельно, в опасно озаряемой ночным светом тьме. Почему меня не было с ней? Почему в командировке? Почему маленькой пришлось пережить непереносимую боль ухода из жизни первой, а не нам, давшим ей жизнь? И жизнь моя в сумрачном свете казалась странной, скоротечной, зыбкой.

Самое тяжелое, когда представляешь, как хотел поехать с ней по широкому миру, показать все... Чтобы она увидела океан с высокого утеса, сияющий залив Неаполя, остатки древней крепости на горе. Прошла бы по каменным площадкам отрытой улицы Помпей...

В ее детстве мы перенесли с мамой ее разнообразные болезни, привыкли дрожать перед ней, не дай бог, что случится. Носили на руках, баюкали, когда болела. И нам было так же больно, когда она болела. Борясь за нее, так приросли, что оторвать кровинку...

Мне приснилась тихая ночная вода, как боль безнадежности, невозврата. Из тьмы выплывает нечто любимое до бесконечной жалости, и уже знающее всю безнадежность, – это моя доченька! Я глажу ее, голова покорно свесилась на моей шее. Она медленно улыбнулась и покачала рукой, и так же медленно нырнула, и ушла во тьму. И вдруг во мне страшная догадка: она неживая! И никогда не будет живой.

Проснулся с мучительной, физической болью. Как будто вырвали часть сердечного корня, и рваное невозможно восстановить.

Терзает какая-то родительская вина – не смогли спасти! Ведь, знал: когда мы в парке бросали друг другу «фрисби», она внезапно остановилась и побледнела. И не пошевелил пальцем, чтобы защитит! Единственное, родное существо!

Стараюсь избегать видений страшного в памяти, перебиваю воспоминаниями моего детства, безмятежного, до нее, когда еще ничего не было связанного с ней ни в мыслях, ни в крови. И как мы были безмятежны, когда еще не пришло это безумие.

Но, как наяву, снова возникают слова ее письма ко мне, последние, как завещание...

*Ты болеешь, и болью пронзило меня.
Как в письме твоём детская боль одиночества сжала!
«Грустно мне – пишу, и хоть не вспоминай,
как на даче мы на «Волшебнике» нашем катались.
Помнишь, как на Яйлу карабкались, и рай наверху?
Мама ходит за мной, следит и терзает*

*своим страхом, уроками, музыкой – не продохнуть,
и читать про мир небесных тел запрещает».
Как мне жить без тебя,
мне подаренный чудом единственный свет?
В заточенье любви ты ходишь гордо, капризно
и упрямо твердишь: «Я – личность, я – человек!
И уже поняла – что-то значу я в жизни.
Смейтесь и говорите, что скоро свихнусь.
Нет, я чувствую – незаурядная личность,
и уверенней стала, и не перед чем не согнусь...»*

И как мы будем с мамой у ее могилы, через много лет? Неужели это случилось с нами? Почему?

Сильно болит голова. Все, что говорю – фальшиво.

Как преодолеть нежелание жить, исполнение обязанностей жизни? Где любимое, за что можно положить душу? Его нет в этой реальности. Как вернуть творческий настрой души? Ведь творчество – это укрепленная любовью связь с жизнью. А этого нет. Как найти силы – просто для нормального существования?

Что-то надо заново наработывать, создавать с подругой новую семью, и много детей. Но она не может больше рожать!

Как воскресить мою жену, Свету? Теперь мы с тобой никогда не сможем разлучиться.

Нужно научиться понимать ее, всех людей, до самых глубин, как я понимал мою доченьку (хотя любил плохо – пальцем не пошевелил). Чтобы исцелиться. Просто исцелиться близостью! Понимать людей, человеческие устремления, как я понимал ее, и все в ней, – то есть любить человека. Человеческое страдание потери тем сильней, чем ты уже, отдаленнее от людей.

Но почему так тянет отползти, кусая лапу, одинокому, как умирающий зверь?

Не могу понять, почему во мне такое одиночество, равное одиночеству в черных пропасть вселенной? А где-то в стороне величественно сверкают эпохи, с древних времен стойко переносящие невообразимые разрушения, нагромождения умерших, что должно бы сгуститься в одну страшную сплошную трагедию, с чем невозможно жить! А потомки живут, как ни в чем не бывало, ищут вечного счастья. Психические травмы, даже после самой страшной войны, не оставляют надолго разрушительных следов у потомков, другие поколения быстро забывают. Исчезло то поколение, для кого ее трагедии терзали сердце.

Странно, что моя доченька теперь не более, чем плод воображения, как будто все не было наяву. А ведь ее нет, совсем нет, и не нужно болеть за нее, за ничто.

Может быть, надо проявить невероятное усилие, чтобы увидеть мою трагедию из отдаленного времени? Легче, когда думаешь со стороны, рационально: в ней это было заложено генетически, и перед смертью она знала, что умрет, только вдруг потеряла сознание, и все. И нет тут ничего мистического.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.